

ДЕПУТАТ ГОРСОВЕТА

1. Если вы проедете по городу Горькому, по всем его окраинам, вы увидите, будто несколько больших, разных по возрасту, городов, сошедших к берегам Оки и Волги, подружился и решил жить вместе.

Проехав по набережной вдоль знаменитого «откоса», мимо дома, в котором, возвращаясь из ссылки, ненадолго останавливался Тарас Шевченко, вы увидите четыре-пять старых башен и толстые стены Кремля; здесь Кузьма Минин призывал нижегородцев к отпору иноземным захватчикам. Напротив Кремля — здание, в котором учился Н. Добролюбов, а несколько дальше — крохотный, в два окна, домик, где родился первый председатель ВЦИК Я. Свердлов.

И, хотя тут же, рядом, возвышаются новые дома и стоит памятник Чкалову, ощущение старинного, гордого старого города, города на ла минуту не покидает вас, пока вы проезжаете по улицам мажорной части. Это ощущение усиливается еще больше, когда на Почтовом съезде вдруг попадается вам деревянный домик Каширинских, где провел детские годы великий писатель, именем которого назван город.

Иное впечатление возникает, если вы начнете знакомиться с городом с Автозаводского района. Это — молодой социалистический город, украшенный молодыми аллеями и парками; асфальтированные улицы, еще не имеющие постоянных названий, и прекрасные дома, еще не имеющие постоянных номеров, — так недавно они возникли. Немного больше двадцати лет тому назад первый камень этого города заложил А. А. Жданов, а теперь огромные стеклянные корпуса всемирно известного автозавода имени Молотова тянутся на целые километры. Здесь все новое.

Сложная задача выпадает на долю будущего депутата городского и районных Советов. Им предстоит до тонкости знать жизнь многоотраслевого индустриального и культурного центра, правильно понять своеобразие потребностей и перспектив каждого из административных, непохожих друг на друга, районов и, занимаясь сотнями текущих дел, не потерять последовательность работ по дальнейшему благоустройству города. А последовательность эта в мажорной части совсем иная, чем в Казаньине, а в Сормове — иная, чем в Автозаводском районе.

После того, как я познакомился с «Горьковской правдой» со списками кандидатов в депутаты городского Совета, задача эта показалась мне еще более сложной, потому что многие будущие депутаты оказались людьми, не связанными по своей работе с горьковским хозяйством, — металлургами, инженерами, профессорами, учителями. Фамилия одного из кандидатов в депутаты остановила мое внимание. Это был инженер Камышев Павел Александрович, заместитель начальника одного из корпусов автозавода имени Молотова, баллотировавшийся по 79-му избирательному округу. «Не тот ли это Камышев, который опубликовал несколько лет назад в «Новом мире» заметки хозяйственника?» — подумал я. Вскоре мне удалось узнать, что Павел Александрович — потомственный сормович, что в горсовет он баллотируется уже второй раз, проработав два года заместителем председателя постоянной комиссии по коммунальному хозяйству...

2. Павел Александрович — человек точный и обстоятельный. Подолга его, седоватые волосы, две пары очков — одна для чтения, другая для лаи — все это заставляет догадываться, что ему перешагнуло уже за пятьдесят лет и что он не прочь соснуть часок-другой после обеда.

Но это впечатление в первые же минуты знакомства отходит на задний план. Павел Александрович любит беседовать. Он не произносит речей, а именно

беседует, то есть с таким же оживлением и любопытством высказывает другое, с каким рассказывает сам. И хотя я очень внимателен, ему, все-таки, кажется недостаточно этой внимательности и, рассказывая что-нибудь, он то и дело осторожно дотрагивается до моего плеча, то до руки.

Правда, оживление Павла Александровича представляет некоторое неудобство: мне хочется возможно больше узнать о его депутатской деятельности, а он, как опытный водитель, крепко держит руль беседы в своих руках и направляет разговор по тем дорогам, которые ему самому кажутся самыми интересными. И незаметно для меня получается так, что мы меняемся ролями: Павел Александрович рассказывает, а я рассказываю о своей жизни. Выясняется, что мне не пришлось видеть живого станкового пристава, Павел Александрович оживает еще больше, резко меняет тему и начинает рассказывать о далеком прошлом. Идут считанные минуты между концом работы и началом какого-то совещания, на котором Павел Александрович должен присутствовать. Сократившись, я пытаюсь навести его на нужную мне тему.

— Ну что же вам рассказать о своей депутатской работе? — произносит Павел Александрович и на минуту задумывается. — Первый раз был я депутатом в 1928 году, в Сормовском райсовете. А потом уже, в 1937 году, стал депутатом Автозаводского райсовета.

— А теперь уже стали хозяином в масштабе всего города, — вставил я, пользуясь случаем отвлечь Павла Александровича от далеких воспоминаний.

— Да, приходится хозяйничать. Хлопотное дело... Вот, хоть сегодня, заходила ко мне наша избирательница — жалуетесь, что ребята в школе в две смены занимаются... А налетел школы я вам интересный случай расскажу, — он снова подолживает и трогает меня за руку. — Я вам говорил как будто, что окончила четыре класса церковно-приходской школы. Так вот я рассказываю, что это была за школа. Дом в две комнаты, стены расползлись, потолки обвалились. Когда учился здесь стало невозможно, сняли избу у старухи Храмчихи. Обыкновенная изба в одну комнату с русской печью. Вот мы сидим, учимся, а Храмчиха лежит на печи, слушает. Если заблудится кто-нибудь, она кричит с печи учительнице: «А ты его тапни по темени!» или сама слезает потихоньку да уху начнет закручивать...

И снова наша беседа наглого съезжает с главного пути, и я начинаю задумываться: не мешают ли воспоминания о прежней тяжелой жизни депутатской деятельности Камышева; не кажется ли ему в сравнении с прежней ужасной жизнью все сделанное теперь совершенным и окончательным, не нуждающимся в дальнейшем улучшении; не слишком ли восторженна душа у этого депутата? Чего греха таить: приходится иногда встречаться «деятелями», которые на законные претензии трудящихся отвечают примерно таким образом: «Ну, чего ты возмущаешься? Подумаешь — автобус редко ходит! А я в твои-то годы фунт хлеба за папуку, да пешком на завод восемь верст пошел по морозу в драных сапогах. А тебе что — персональную машину поладать?»

Сторит так «деятель» какое-нибудь самое обыкновенное, необходимое дело, например, баню построй, и уже считает, что благодействительное население, и упоминает об этой бане во всех своих ответах и докладках и в душе обижается, что никому не приходит в голову напечатать на этой бане золотыми буквами его фамилию в назидание потомству...

К сожалению, разговор нам пришлось оборвать: скоро должно было начинаться совещание, и Павел Александрович повел меня к тому месту, куда должна подъехать вызванная им машина.

3. Черный зимний вечер. Так темно, что кажется, будто снег идет только возле фонарей, освещающих мостовую. Мы с Павлом Александровичем подходим к длинной колоннаде, за которой виднеется множество одинаковых дверей и одинаковых окошек. Это — проходные автозавода. Машины еще нет.

Часто хлопоты двери проходных, и, на ходу пряча пропуски в карманы и сумочки, мимо нас быстро идут люди. Увидев Павла Александровича, почти все здороваются. Мне кажется удивительным, что работающие в разных корпусах гигантского завода люди знакомы с ним.

— А как же им меня не знать, — улыбаются Павел Александрович, — ведь это мои избиратели. Вот товарищ пошел на лето. Видите? Вчера он ко мне обратился — просил наехать, чтобы поскорее в новых домах телефоны ставили. На днях у него жена рожает, а скорую помощь вызвать — дело сложное... Есть еще у нас чудак, которые считают телефоны только принадлежащими канцелярскому столу.

Павел Александрович задумывается на минуту и вдруг говорит, словно повторил мои мысли:

— Это всегда приятно — вспомнить старое и поглядеть, как далеко мы от этого старого ушли... А нам, депутатам, гораздо полезнее сравнивать сделанное нами не с тем, что было при царе Горохе, а с тем, как должно быть при коммунизме. И тут дело не только в нашей инициативе, а еще и в активности избирателей. Надо чаще встречаться избирателям с депутатами горсовета. И чтобы на таких встречах были и депутаты райсовета. Во-первых, была бы полная ясность, кому какой вопрос решать, а во-вторых, нам вполне были бы недостатком работы райисполкомов. И другие: два года я депутат горсовета, а только теперь могу сказать, что разбираться во всех тонкостях. Через несколько дней придут новые депутаты. И надо для них с самого начала как-нибудь занятия организовать, там, где, лекции, чтобы они побыстрее, чем я, вошли в курс дела, представляли себе масштабы работы, ее характер. Вот, к примеру, Автозаводский район. В работе наших депутатов своя специфика. В районе ведь один вопрос цепляется за второй, второй — за третий. Скажем, получили сигнал, что торгующие организации поздно закрываются. Построили новый магазин. И сразу же, как построили, — новые сигналы: магазин, дескать, хороший, а осенью в сезон к нему трудно подойти. Грязь. К тому же, не успели оглянуться, а дома строят уже в четырех километрах от магазина. Значит, дело тут не в одних тротуарах. Надо автобусы и троллейбусы пускать. Новые улицы асфальтировать. А прежде чем асфальтировать, надо водоснабжение наладить... Вот я вам рассказываю интересный случай. Однажды в нам за заседание коммунальной комиссии кто-то из депутатов принес бутылку с водой. Вот, говорит, любите-любите — из нашей колонки. Председатель нашей комиссии, врач Попов, Василий Дмитриевич, смотрит: что такое? А в воде земляной осадок. Плохо было дело с очисткой воды, особенно в дальних разбросанных колонках. Василий Дмитриевич — бутылку в карман и пошел в горисполком показывать... Вот так лет через пять-десять, — задумчиво продолжает Павел Александрович, — стану я такие шутки рассказывать, так они покажутся, пожалуй, удивительней, чем для вас Храмчихи...

Слушая Павла Александровича, я начинаю понимать, что ощущение разницы между тем, что было в прошлом, и тем, что стало теперь, идет на пользу этому депутату, вдохновляет его, помогает ему двигаться вперед, к будущему, помогает видеть это будущее, ощущать его реальность.

Сергей АНТОНОВ
г. ГОРЬКИИ

ПИТОМЦЫ ДЕТСКОГО ДОМА

Этот снимок сделан в московском детском доме № 19, где недавно состоялась традиционная встреча бывших и нынешних его воспитанников. Сюда пришли юноши и девушки, у многих из которых война отняла родителей. Но они не остались сиротами. В детском доме они нашли свою вторую семью, получили воспитание и образование, а потом стали инженерами, педагогами, квалифицированными рабочими. Многие имеют ныне свои семьи, детей.

Участники этого скромного торжества рассказывали о днях и годах, проведенных в детском доме, воспитавшем их и давшем путевку в большую жизнь.

Слова горячей благодарности звучали в этот вечер по адресу воспитателей. И чаще всего прозвучало имя Веры Сергеевны Коричевой, посвятившей тридцать лет педагогической работе.

Пришли в гости Вера Сергеевна (слева на снимке) — бывшие воспитанники детдома — Антонина Валентиновна и Нина Ивановна, ныне учительница московских школ. Завязалась беседа с маленькой воспитанницей Натальей, которая в этом году впервые села за парту.

Больше книг о советских полководцах

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В историю нашей Родины вошли немеркнущей славой страницы героической борьбы Советской Армии в период Великой Отечественной войны. Освободительная миссия Советской Армии, спасшей человечество от фашистского гнета, мужество и массовый героизм ее бойцов, слаженная работа тыла — все это нашло отражение в ряде произведений советской художественной литературы.

Неслучайно много, однако, создано произведений о наших талантливых военачальниках. Есть, правда, несколько удачных книг, вроде «Генерала Доватора» П. Федорова или «Рассказа о генерале Ватуutine» А. Войнова. Но этого явно недостаточно.

Рассказать о выдающихся полководцах сталинской школы — Черняковском, Соколовском, Говорове, Коневе, Рыбалко, Толбухине и других, об их жизненном пути, о том, как они осуществляли гениальный сталинский план разгрома врага, — благодарный долг наших писателей.

М. ДАШЕВСКИЙ,
преподаватель истории
ВОРОШИЛОВГРАД

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ЗЕЛЕНАЯ ЗАЩИТА»

В корреспонденции, опубликованной под таким заголовком 21 октября 1952 года, «Литературная газета» критиковала Крымское областное управление лесного хозяйства за плохую заботу о жилищно-бытовых условиях рабочих Ленинской лесозащитной станции. Как сообщил редакции начальник Крымского областного управления лесного хозяйства тов. Андрониковский, факты, приведенные в корреспонденции, подтвердились. Чтобы улучшить жилищные условия рабочих, Ленинской ЛЗС отпущено на строительство жилых домов более 160 тысяч рублей. Директору ЛЗС даны указания построить полевые вагончики для тракторных бригад.

несколько лет бухгалтер получал средства из банка не по именным, а по предельным чекам? Это никого не заинтересовало. В чеках преступник грубо подделывал сумму, подлежащую выплате. И опять-таки никто не обратил на это внимания. Наконец, на суде было установлено, что роторов из банка поверхностно проверяли отчетные документы фабрики и тем открывали простор для преступной деятельности Шевченко.

Нередко приходится сталкиваться с преступной доверчивостью руководителей некоторых предприятий и учреждений. За последние годы Московский городской суд осудил ряд роторов; среди них были директор Буховской швейно-ткацкой фабрики Музиченко, без проверки утверждавший дутые акты о расходе сырья, главный бухгалтер Трикозавского комбината Горьковского управления легкой промышленности Дегтярев, беспечноство которого воспользовались преступные элементы, и некоторые другие.

Одно из проявлений роторейства — пренебрежение к правилам хранения ценных документов, бланков, государственной гербовой печати. Мы несколько раз сталкивались с подобными случаями. Как-то при продаже тонны сливочного масла был задержан некто Самсонов. Он рассказал историю, которая на первых порах казалась просто невероятной. По его словам, он однажды вышел по закону-то делу на базу Управления ресторанов и буфетов Московско-Курской железной дороги. В одной из комнат, где не было ни одного сотрудника, вор (судившийся однажды за кражу) ушел на столе несколько незаполненных бланков доверенностей, причем на них были уже поставлены гербовые печати. Даже опытный преступник удивился, как он занялся на суде, такой беспечности. Но на пару бланков он, конечно, взял и, залопотив один из них, получил на базе масло. Судившийся по другому делу Бирштейн на той же базе однажды получил бланк доверенности и получил на 68 тысяч рублей рыбных товаров. Некий Неверов, пришедший по случайному делу в контору Главвостокрыбнаба, взял со стола незаполненный бланк доверенности, уже оформленный подписями и гербовой печатью, и получил не более, чем, как 25 000 метров тканей!

Говоря о случаях роторейства, притуплении бдительности, надо отметить, что нередко они являются результатом игнорирования критики снизу, сигналов трудящихся. Бывший управляющий московской кон-

торой Главснаба Министерства промышленности орденств связи СССР Гольдберг оружил себя темными личностями и доверил им материальные ценности. На протяжении ряда лет отдельные работники конторы обрабатывали Гольдберга на сомнительные прошлые этих лиц, на пьянство, которые они устраивали даже на работе. Все это проходило мимо внимания Гольдберга. И вот результат — он приговорен к пяти годам лишения свободы, был человек, способствовавший преступникам в расхищении государственного добра.

Отдельные судбно-следственные работники при расследовании и расследовании дел не всегда вскрывают до конца причины, способствующие тем или иным преступлениям. Это приводит к тому, что они сами становятся ротореями. Взять хотя бы приведенный выше случай с Турниной. Ни районная прокуратура, ни народный суд Московского района не поставили вопроса об ответственности роторов, допустивших Турнину в торговую сеть.

Еще более возмутительный случай был выявлен Московским городским судом при расследовании дела о хищениях в артели «Головой убор». Активная участница хищений расхититель Белова была задержана с похищенными товарами на сумму около 23 тысяч рублей. Ее не только не арестовали, но даже не отстранили от работы, хотя органы следствия были обязаны это сделать. Оставшись на свободе, Белова расхитила товары на еще большую сумму. Московский городской суд вынес определение, в котором поставил вопрос об ответственности работников следствия по данному делу, в частности вопрос об ответственности народного следователя прокуратуры Бауманского района тов. Гольдберг.

В этой статье приведены факты использования роторейства уголовными элементами. Надо ли доказывать, как стремится использовать роторейство и вражеская агентура. Неустanno повышать бдительность, бороться с роторейством и беспечностью — вот что требуется от каждого советского человека, где бы он и кем бы он ни работал.

Мы на минуту не должны забывать, что пока есть роторейство — будет существовать и вражеское.

Роторев надо строго наказывать!

А. РУБИЧЕВ,
председатель Московского городского суда

ФЕЛЬТОН Рассказ пока без конца

Начнем так:

Жил-был народный судья Ведмеденко...

Нет, это не подходит...

Жило-было несколько судебных работников, которым захотелось получить жилищную...

Вот теперь сказано правильно и по сути дела, хотя в дальнейшем дело развивалось, как убедился читатель, и не по сути и глубоко неправильно.

Итак, народный судья 2-го участка Молодковского района в Киеве Ведмеденко, зная, что суду тесно. Это не вызвало никаких сомнений: действительно, в помещении суда неизвестно как сошлись на жилищном народный судья Гуленко и ревизор Министерства юстиции ВССР Приляпина. Но что делать, не выселять же «своих»...

Между тем с другой стороны... А вот с другой стороны судья Ведмеденко как раз подвернулся, на его взгляд, удобное дело. Он разбирал жалобу старика-рабочего Кузаченко. Этого старика обижал домохозяин Кириенко, недовольный тем, что Кузаченко платил ему за квартиру около 50 рублей в месяц, а в то время как другой квартирант, некий Байерман, — неизмеримо больше. При этом выяснилось, что Кириенко вообще не имел никаких прав на дом, тем более, на выплаты платы с жильцов: этот дом он ухитрился неизвестным образом получить при оккупантах от их «городской управы». Значит, следует восстановить справедливость, лишить юркого хозяинчика его фиктивных прав, передать дом государству и органдить старика-рабочего Кузаченко от притеснений?

С точки зрения здравого смысла — да, но точка зрения судьи Ведмеденко оказалась иной. Справедливость и ее восстановление занимали его мало; защита прав старика Кузаченко — еще меньше. Судья Ведмеденко усмотрел здесь только одну интересную особенность: возможность заполучить целый дом.

Поэтому жалоба старика Кузаченко была сдана на тормозах. Но зато услужливый товарищ изобретательного судьи — народный судья соседнего, 3-го участка Тихонов незамедлительно вынес весьма удачное для предприимчивого Ведмеденко, хотя и противозаконное решение: выселить из дома всех, под гребенку! Не одного лишь фиктивного хозяинчика, — подчеркнем, — а всех, в том числе и Кузаченко, получившего, таким образом, столь неожиданный, буквально невообразимый ответ на свою жалобу.

А дальше все пошло, как по маслу. Без минуты промедления, даже не ожидая ордера, Ведмеденко занимает домик под суд. Байерману он любезно предоставляет квартиру в старом помещении суда, — также без всякого ордера. Тула же, той же ночью выселяется при любезном содействии Ведмеденко и его судебный исполнитель Захарченко (понятно, тоже без ордера). Через некоторое время в этом же помещении получают квартиру и хозяйки Кириенко! А что касается 68-летнего рабочего Кузаченко, его старуху жену, то милостивый Ведмеденко не отнимает у них права доживать свой век в холодном дворежном сарае, куда их выбросили из квартиры...

Возмутительное? Нет, это еще не самое возмутительное, это лишь только завязка рассказа.

Областное управление юстиции в лице своего начальника Гапоня поспешили присоединиться к Ведмеденко и выразили полное удовлетворение происшедшим. Да и как могло быть иначе, если в одну из комнат нового помещения нарцисса 2-го участка Молодковского района начальника управления юстиции Гапон при помощи Ведмеденко поселил на жилищном своего заместителя по кадрам Пшеничнику! Обошлось без законного ордера и в этом случае.

Итак, жили-были старик со старухой, жили-были уже в холодном дворежном сарае, куда их выбросили из квартиры еще в 1950 году, и долго искали правды... Лето сменялось осенью, осень — зимой, потом вновь расцветали деревья, и вновь выпала снег... За это время отбыла на казнь судья Гуленко, осужденная за взяточничество, судья Ведмеденко получил вынесение за самоуправство, потерял доверие избирателей, и его кандидатура на следующий выборах не баллотировалась... Однако Кузаченко с женой продолжали жить в холодном сарае. Со странным, поразительным единодушием повораивались к ним спиной и народный суд, куда они обращались, и областное управление юстиции, и районная прокуратура, и прокуратура города... Просто глазам не верилось, когда листали материалы этого «дела»!

Наконец, Верховный Суд УССР в мае 1951 года отменил решение нарцисса о выселении Кузаченко и передал дело на новое рассмотрение в облсуд. И хотя Верхов-

ный Суд ясно написал: Кузаченко «выселен неправомерно», но облсуд не торопился — еще четыре месяца жал Кузаченко. Однако дождь. В сентябре 1951 года облсуд разоблачил в беззаконии и решил: в порядке поворота судебного решения — выселить Кузаченко на его прежнюю жилищную площадь. Тогда-то в дело Кузаченко вмешалась и горьковская прокуратура. Вмешалась мгновенно. Может быть, с целью вознаградить старика за свое длительное равнодушие к нему до этого? Оказавшаяся, нет. Прокурор Леонов немедленно... отпросился перед Верховным Судом УССР решение об обратном выселении Кузаченко!

Верховный Суд рассмотрел протест не ожидая активного прокурора. Рассмотрел и строго сообщил прокурору, что протест его отклоняет как необоснованный. Теперь-то, казалось бы, все?

Но... не будем поспешны в выводах. У начальника областного управления юстиции Гапоня продолжала оставаться своя точка зрения на дело Кузаченко, а главным образом, — на комнату, которую предстояло очистить от «своих» людей, чтобы предоставить ее в распоряжение старика.

Посему Гапон срочно созвал доверительное совещание, в котором участвовали: он сам, оба его заместителя — Пшеничник и Пронженик, судебный исполнитель Барчук. Решено было: широко использовать казусистические поводы, дело затягивать, исполнять лист на выселение, врученный Кузаченко, не реализовывать.

Пользуясь своим служебным положением, заместитель начальника областного управления юстиции по кадрам Пшеничник (напомним: комнату Кузаченко заняла именно она!) называет дело из областного суда. А без дела нельзя реализовать исполнительный лист!

Старик — в прокуратуру, в облсуд, в Министерство юстиции СССР! Министерство юстиции СССР никак не отвечает на запросы Киевского областного управления, требует объяснений, берет дело под контроль... Но исполнительный лист попрежнему маринуется... Еще три месяца живет старик со своей старухой в дворежном сарае...

И вдруг происходит самое невероятное. Судебный исполнитель Барчук, собственной персоной, прибегает запыхавшись к старикам: берите вещи, идем выселяться в вашу комнату! Сейчас же, сию же минуту!

Старуха Кузаченко даже заплакала: — Господи, неужели, правда, кончилось наваждение?

Дрожавшими руками старики собрали свои пожитки и переставили их под сочувственными взглядами соседей из сарая в дом. Вот она — желанная, долгожданная комната, покой, тепло...

Но и покой, и тепло были предоставлены старикам вместе с комнатой... ровно на три часа. По истечении этого срока их из комнаты вывели снова в тот же холодный сарай. Комбинаторы изобрели новый способ обойти советские законы, а заодно и «закрыть» наваждение. Они узнали, что несколько домиков, в том числе тот, где находилась комната Кузаченко, намерено снести. На освобождаемом же месте будет заводское строение, и нарцисс 2-го участка получит от завода новое помещение, если только сдвинет свое.

Вот почему судебный исполнитель Барчук так ретиво помогал старикам переставлять вещи: он знал, что через три часа эти вещи все равно будут вынесены обратно работникам завода, принявшим помещение, но суд за это уже отвечать не будет...

Это произошло 10 января 1952 года. Слушавшие дело выносили судебный акт, другие выселяли стариков, а заместитель прокуратуры Молодковского района Булгаков и народный судья Липатов, сменивший судью Ведмеденко, на продолжающий в этом деле его линию, с легким сердцем смотрели на все происшедшее: теперь выселение стариков уже не касалось. Больше того: нарцисс Липатов посылал себя уже вполне довольным Гапоню, областное управление юстиции, что старик Кузаченко все-таки, куда ни надейся, будет выселенным. Пожалуй, вот и пришло время: акт о слаче и о принятии освобожденного помещения...

Через пять дней, 15 января 1952 года, Гапон донесет Министерству юстиции СССР в письме за № 2-ж 280.13, что решение Киевского областного суда о выселении г. Кузаченко исполнено. Самый прожорливый крокодил почувствует себя мальчиком, озябшим с этим инчинным «поротом»!

...И снова живут старик со старухой в холодном сарае. Живут и по сей час. Пилит в разные инстанции, жалуются, получают еще более холодные, чем их сарай, ответы. Домик, где была их комната, уже снесли, там идет стройка. Перечисленные нами судебные работники благодействуют — кто в старых квартирах, кто в новых; один из них продолжает выносить решения, другие — руководить выношением решений...

В. ВЛАДКО

Строго наказывать ротореев!

Враги стремятся использовать любую возможность, чтобы нанести вред Советскому государству, и в этом их часто помогает роторейство некоторых наших людей. То по вине ротореев происходит в государственной аппарате какой-нибудь прокол, а то и заученный иностранный разведчик, то под носом у ротореев нагло орудут расхитители социалистической собственности, то из-за нерадивого работника в руки врага попадает важный документ.

Нам, советским судьям, нередко приходится сталкиваться и с фактами потери бдительности, и с пренебрежением к ревизионной деятельности, и с преступной беспечностью, и, особенно часто, с роторейством при подборе кадров.

Приведу такой пример. Некая Турнина, являвшаяся одним из ларьков Московского районного отдела милиции, была избрана в органы покупателя. Когда началось следствие по ее делу, то выяснилось, что двери этого ларька оторваны почти порохом любым прохожим. Турнина три раза судилась за различные преступления. Работники районного отдела не трудились даже справиться на последней службе Турниной, почему она оттуда уходила. Если бы они это сделали, то узнали бы, что Турнину отделил под суд за обман покупателей, а несколько раньше — за растрату. Ухватив все это было несложно, требовалось лишь съездить в другой район города. Но роторей, нарушивший самый элементарный порядок подбора кадров, поверил Турнину на слово и в полном соответствии с народной поговоркой «пустил шучу в воду».

Подобная же беспечность была проявлена при приеме на работу некоего Балакирева, который предстал перед судом за расхищение мануфактуры. Несмотря на то, что Балакирев в прошлом уже судился за растрату, его назначили заведующим складом Московской областной торговой базы. И он не преминул воспользоваться этим, обворовал склад.

Можно было бы привести ряд примеров, когда беспечность при подборе кадров приводила к еще более тяжелым последствиям, когда врагам народа удавалось длительное

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 17 февраля 1953 г. № 21

В БРАТСКОЙ СЕМЬЕ

СЛАВА СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ

Семен Гудзенко

Роман А. Контелова «Великое кощевье», посвященный жизни Горного Алтая с 1922 по 1932 год, впервые был напечатан в журнале «Сибирские огни» в 1934—1935 гг.

В прошлом году издательство «Советский писатель» опубликовало новое, исправленное и значительно дополненное издание романа. Это познавательная и ценная книга. Изображенное автором десятилетиями жизни в Ойротии. На страницах романа реальная жизнь живет, дышит, стремится к своей цели, отражена борьба с врагами советского строя, изжиты в себе застарелые предрассудки. Богатство этнографического материала, наличие подлинных народных сказаний и песен в романе усиливают его яркий алтайский колорит.

Вот шаман Шатый «камлет» над больным Анытпасом, батраком богатых Тыдыкова. Яркое, образное его обращение за помощью к давно умершему предку, самому знаменитому «саму». Но в уплату за выздоровление Шатый требует от Анытпаса, чтобы он убил Борзая Токушева, проводника политики советской власти. И Анытпас соглашается убить его...

Какую рабскую душу воспитывали эти древние предания и «камлания»? Старик Ногон, многолетний раб Тыдыкова, готов отдать жизнь за серебро и золото хозяина даже тогда, когда сам хозяин уже мертв. «Врут! Большого Человека нельзя убить», — кричит выкрикнув Ногон, — он может умереть только смертью, посланной добрым Улугеином, и только тогда, когда место его родится другой!»

Но главное в романе А. Контелова — образы алтайцев, воспитанных в нашу советскую эпоху. Вот молодой алтаец входит в мясолов Лягушка:

«Лягушка лежал о закрытых глазах, и Ярмаче показалось, что он только что пришел отсюда после долгой и тяжелой работы. Если бы он не видел, что не знает, по какой причине он здесь, Ярмаче бы не узнал, что это он, Ярмаче Токушев, и заговорил: «Откуда ты пришел, товарищ? Как там у вас жизнь на Алтае?» Про ищейку, партия, про комсомол, про школы и больницы, про новые изобретения в новых селениях — про все спросил. И Ярмача ответил просто, как родному отцу: «Делаем все, как ты говоришь. Но Ярмаче сказал шепотом: «Не держишься, товарищ». Он шел и все оглядывался на Лягушку, запоминая черты его лица. А когда повернулся к выходу и Ленин не стало видно, Ярмаче вспомнил одну из речей Сталина, которую он недавно читал на своем родном языке на занятиях в комсомольской школе. Сталин говорил обо всем, что Ленин,

уходил, завещая советским людям. Он завещал жить одной большой братской семьей, хранить союз народов родной земли. «Клянись тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!» Это сказал Сталин. Это было его клятвой. Клятвой за всех. И за него, Ярмаче Токушева».

Я позволила себе привести такую большую цитату потому, что она говорит об основной сущности романа. Она поясняет, как и почему на Алтае враждовали в прошлом племена и роды стали сегодня одним здоровым организмом Горно-Алтайской автономной области. А. Контелову чудно идеализация экзотики прошлого народов Алтая. Если литература капиталистических стран позитивизирует культуру отсталости малых народностей, то наш писатель дает реалистическое изображение тяжелого прошлого. Он стремится показать во всей правде сложность перестройки бытия этих народов после победы социалистической революции. Правда побеждает и обнаруживает, какие потенциально сильные люди томилась в плену капитализма. Умная лавина автора помогла ему найти самое выразительное, самое яркое и характерное в жизни Алтая — эпоху «Великого кощевья» его народов из страны рабства в страну социализма. Та же лавина позволила сделать образы главных героев романа — Адыра, Борзая, Байрыма и Ярмаче Токушева — реальными, живыми людьми действия. Прекрасно показаны обаятельная женственность Ямалы и Карачи, жены Борзая, их любовь, их радости и страдания. Страницы, описывающие смерть Карачи от полой руки хитрого старателя, предателя и саслауба Утиши Бакибаева, нельзя читать без душевного волнения.

Есть в романе и недостатки. Удалось сложностью сюжета, А. Контелов заставляет белую Ямалю пережить слишком много злоключений. Автор показал русских друзей алтайцев: партийного руководителя Суртаева, Охлушину, приехавшего на Алтай, чтобы обучить колхозников земледелию и некоторым ремеслам. Но если образ Суртаева можно считать удачей автора, то разговоры Охлушиной с алтайцами подслонками. Немало искусственности, суетливости в отношениях славянцев Охлушиной и алтайцев Борзая.

Это — обычные недостатки для романа, в котором немало удач. У А. Контелова хорошо показано разнообразие зимних, летних и весенних пейзажей живописной природы Алтая. Разнообразен и выразителен в романе диалог. Язык у каждого действующего лица свой, именно его присущий.

Этот роман, мне кажется, имеет право на долговечие в нашей художественной литературе.

Бессмертие совершенного подвига — это только в том, что этот подвиг рождает у поколения чувство благодарности к герою. Бессмертие подвига прежде всего — в его активности, вечно живой воспитательной силе: дело героя становится примером для поколений, оно воспитывает в десятках и сотнях людей гордость, силу духа и стремление оказаться таким же, когда потребует Родина.

Песня Б. Лавренева «Песнь о черноморцах» — одно из немногих пока произведений, в которых решается большая и благородная задача: раскрыть для потомков нетленную силу и красоту бессмертного подвига севаستопольской обороны. Песня была написана десять лет тому назад, под непосредственным впечатлением только что происшедших событий.

В прошлом году к песне, созданной в годы войны, обратился Центральный театр Советской Армии; он привлек автора к работе текста и показал «Песнь о черноморцах» московскому зрителю.

Важнейшее достоинство песни заключается в том, что Б. Лавренев стремится показать в ней не только картину событий, но и истоки подвига, таинские в духовном мире советского человека.

Однако, говоря об этом достоинстве, следует сразу же сказать и о том, что «Песня о черноморцах» драматург построил далеко не столь цельно и прочно, как другие свои произведения: эпизоды песни не скреплены друг с другом органическим развитием сюжетных линий. Это как бы ряд отдельных драматических этюдов-зарисовок, объединенных лишь присутствием одних и тех же персонажей.

Главный среди них — старший лейтенант Сагайдачный. Сразу же после боя, в котором погиб его сторожевой корабль, он принимает командование над сухопутной зенитной батареей. Это человек сдержанный, редко и неохотно высказывающий свои чувства, и потому ласковая похвала, обращенная к нему, нередко скрывается у него за приличным словом.

Своеобразие характера молодого офицера глубоко и полно описано в песне. В. Бельский, исполняющий роль Сагайдачного в спектакле Центрального театра Советской Армии, Любовь к истории Родины, к высокому русскому слову, ощущение красоты и наполненности жизни, — и притом не «жизни вообще», а именно нашей, советской, полусознательной и потому радостной жизни, — нераздельно слиты для Сагайдачного с пониманием своего воинского долга.

Драматург умно и убедительно показывает в «Песне о черноморцах», что жизнь можно любить по-разному. Есть среди действующих лиц песни матрос-артиллерист Брилев (арт. Е. Быкадоров). Он так и говорит товарищам: «До чего я, братки, люблю. Только бы я жил, без конца... И вся наша порода до ужаса здоровая и радостная».

Жизнелюб — Сагайдачный. И Брилев — тоже жизнелюб, «до ужаса здоровый и радостный». Но Сагайдачный во имя жизни совершает прекрасный подвиг. А для Брилева любовь к жизни исчерпывается любовью к собственной шкуре; в минуту опасности он оказывается трусом и умирает как предатель, расстрелянный своими же однополчанами.

Еще два раза на протяжении песни встречается Сагайдачный с проявлениями трусости. Оба эти случая совершенно различны. Они привлечены автором и умело использованы им для того, чтобы показать разные стороны образа молодого офицера: присущую ему терпеливую выдержку педагога-воспитателя и вместе с тем страстную порывистость, которая оказывается неудержимой, когда Сагайдачный сталкивается с тем, что ему прямо враждебно.

Вот первый эпизод: обходя оружейные расчеты батареи после жестокой бомбежки, командир видит, как молодой боец Шарабанов принял к земле, спрятав голову в

куст, — «обомлел», как сам он объясняет потом едва слышным шепотом. Но Сагайдачному, так же как и зрителю, становится ясно, что «трусость» Шарабанова — не что иное, как предельная неопытность необстрелянного бойца. Без сантиментов, без лишнего слов — примером и делом воздействует Сагайдачный на Шарабанова. И вот, в самый напряженный момент боя, когда движутся на батарею вражеские танки, именно Шарабанов, бросив товарищам скупое прощальное слово, один выбегает со связкой гранат под неумолимо надвигающийся танк. «Танк был мяша, а что сделал!»

Большим обаянием наполняет образ Шарабанова арт. А. Петров.

Вернемся, однако, к главному герою песни. В седьмой картине есть такой эпизод: в блиндаж Сагайдачного приходит командир соседней батареи Полосухин (арт. В. Гаврилов). В нем все, вплоть до картинной накиннутой плащ-палатки, подчеркивает, что это, — не в пример Шарабанову, — не новичок на войне. Но глаза Полосухина расширены страхом. Речь его истеричски сбивчива. Сагайдачный видит перед собой труса, шкурника и предателя. И тут он не сдерживает своего гнева. Не удержит его за руку случайно оказавшийся при разговоре свидетель, — он застрелил бы Полосухина. Тот успевает выбежать из блиндажа, но от справедливого кары ему не уйти: Сагайдачный сообщает о нем в трибунал.

Поставивший спектакль режиссер Д. Тулькин интересно и ярко решил ряд эпизодов, в которых с волнующей силой звучит патристическая тема. Таков, например, финал шестой картины. Два моряка-разведчика — старый пусмский ботман Дамбенко и веселый шутник-матрос Костя Зваряки (арт. В. Зварякин) — только что взорвали немецкий наблюдательный пункт. Командир группы — Сергей Горюкин (арт. В. Карпов) — усталое скрытое. Дамбенко и Зварякин попали в руки врагов. Гитлеровский офицер Шауфель (арт. С. Знаменский) пытается склонить их к предательству. Но иррациональный Дамбенко плывет ему в лицо, зная, что полагается за это жизнью. Высокая национальная гордость, непреклонная вера в победу своего народа, страстная ненависть к захватчикам рождает в сердцах моряков презрение к смерти.

Убий Дамбенко, Шауфель не успевает выстрелить в Зварякина. Сергей Горюкин приводит на выручку товарищам группу моряков. И вот финал картины: на поднятых, вытянутых руках выносятся моряки из пещеры тесло старого ботмана. Они поднимаются к пролому в каньоне, и за проломом небо полнится солнечным светом, оно сияет, словно вобрал в себя все сияние теплого летнего моря; пороховой дым рассеивается, и красота живого мира становится как бы символом желанной победы, во имя которой принял смерть ботман Дамбенко. В этой сцене органически сплавлены трагичность и оптимистичность.

Жаль только, что в хорошей шестой картине особенно заметен и один из общих недостатков песни: излишняя склонность персонажей к витиватости, выпященной риторике. Кроме того, напрасно окантованы здесь автором и режиссером образы врагов.

Старый севастопольец Дамбенко (арт. П. Константинов) и его жена Матрена Матвеевна (арт. В. Окунина) удалены и драматургу и театру. Оба артиста верно помогают зрителю увидеть, как за мелкими забавными черточками, присущими этой чете, за жизненной мелочностью, наполняющей устоявшийся за долгие годы семейный быт двух стариков, скрывается величие гордого и цельного русского характера...

Волнует восьмая картина. Батареи узнают: по данным разведки, на завтра ожидается немечкая атака. Назначается партийное собрание. Оружейные расчеты не могут покинуть свои боевые посты. На со-

бранию приходят делегаты от каждого расчета. Время дорого. Помощник командира произносит короткую речь. Его сменяет старшина 1-й статьи Непеца (к которому с первой картины привлекает любовь зрителя арт. Б. Ситко). Он возмущает перед бойцами портрет товарища Сталина. На обороте портрета Непеца выдел слова, в которых выражена непреклонная воля каждого батареца: «Клянусь не сдать не отступать, лечь на поле, а врага не пустить». По очереди подходят моряки к Непеце и ставят свою подпись под клятвой.

В следующей картине на сцене возникают последние минуты жестокой схватки. Пауэрен скарлатина близка к командному пункту. Завален взрывом единственного пунта, еще связывавший батарею с Севастополем. Партизаны бьются. Расстрелян боец. Смертельная рана подкашивает Сагайдачного. И радостно передает в штаб последнюю радиопередачу, вызывая огонь тяжелой артиллерии на себя и на врагов, скончавшихся у командного пункта.

Дым разрыва заволакивает сцену, и затем из распевающего дыма, из торжественно звучащей музыки возникает финал: сцена открытия памятника героям-артиллеристам на освобожденной, оштенной от врага севастопольской земле.

В этой финальной сцене, как и во всех сценках, где действие происходит на фоне открытого крымского пейзажа, — сказались зрелое и тонкое мастерство художника Ю. Никитина.

Тепло и выволнованно принимает зрительный зал многие сцены спектакля. И, однако, есть в песне эпизоды и образы, о которых хочется с драматургом поспорить. Неужели ослеп обилие на Сагайдачного, даже горечи, остается после первой картины. Вот что в ней происходит.

На телефонном разговоре капитана 1 ранга Рощина (арт. А. Иванов) с командующим флотом мы узнаем, что Сагайдачный, командуя сторожевым кораблем, совершил в только что закончившемся бою подвиг. Заметив на море след торпеды, направляющийся в транспорт, груженый боеприпасами, и увидевшись в том, что транспорт не сумеет увернуться от опасности, он повел свой корабль на пересечку курса торпеды, принял удар на себя и спас тем самым большую торпеду, его экипаж и груз снарядов, необходимых войскам Севастополя. Сагайдачный совершил большой и благородный подвиг. Тем не менее, весь последующий разговор Рощина с молодым офицером построен так, что к только что пережитому потрясению боя он прибавляет еще и травму незаключенного обвинения в преступном умысле.

Ни одним словом не снимает это обвинение Рощина, прощаясь с Сагайдачным перед его уходом на батарею. Прощание оборачивается так, будто назначение на батарею офицер получает «взамен» обещанной ему командиром отдачи под трибунал. Отношение Рощина к Сагайдачному в этой сцене следует уточнить.

Весьма условно обрисован помощник командира батареи по политической части Каменский (арт. А. Рылов) — призванный из запаса химик-парфюмер.

И, наконец, несколько надуем фигура поэта Королева (арт. М. Майоров), который находит свое место во фронтовой обстановке, лишь ставшая начальником связи батареи. Карикатурная беспомощность Королева и терзающее его сознание собственной беспомощности — скорее дань сомнительному пи, к сожалению, нередко литературному трафарету, нежели следование жизненной правде.

Недостатки песни еще можно и нужно устранить. Театр же сделал большое и нужное дело, да сценическую жизнь песни, воспитывающей на бессмертном примере героев Севастополя стойкость и мужество, верность воинскому долгу и безграничную преданность Советской Родине.

А. МАРЬЯМОВ

15 февраля после продолжительной и тяжелой болезни скончался талантливый молодой поэт Семен Петрович Гудзенко. Родившийся в 1922 году в трудовой семье, Семен Гудзенко принадлежит к поколению, воспитанному комсомолом. Он был пионером, стал комсомольцем и, когда наступила Великая Отечественная война, со студенческой скамьи ушел в партизанский отряд, где сражался с фашистскими захватчиками и был тяжело ранен. После излечения Гудзенко вновь отправился на фронт, был сержантом Советской Армии, работал во фронтовой печати. На фронте родились его первые стихи о мужестве и героизме советских воинов, обратившие на себя внимание читателей. В послевоенные годы Семен Гудзенко объездил страну от Закарпатья до Тувы, продолжал свою дружбу с нашей армией. О Советской Армии, охраняющей мирный труд нашего народа, поэт вдохновенно рассказывал в поэме «Дальний гарнизон», в стихах о своих однополчанах. Гневные строки обращены на против поджигателей новой войны, против врагов мира. По его книгам «Однополчане», «После марша», «Закарпатские стихи» и другим, можно проследить творческий рост поэта-боя.

Короткий творческий путь Семена Гудзенко был полон исканий, удивительной учебы, боевой журналистской работы в выездной редакции «Комсомольской правды» в Сталинграде, в «Литературной газете». Поэт был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Отечества» (за участие в обороне Москвы), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги».

Семен Гудзенко ушел от нас в расцвете творческих сил талантливого поэта-патриота, нашего боевого друга, чуткого товарища, всегда будет жить в наших сердцах.

А. Фадеев, К. Симонов, А. Твардовский, Н. Тихонов, А. Сурков, А. Софронов, И. Грибачев, К. Федин, Л. Леонов, В. Горбатов, Г. Панферов, И. Эрнберг, П. Антокольский, В. Колосов, В. Коротева, А. Анастасьев, А. Крыничкин, Г. Гуля, Н. Атаров, В. Агатов, В. Ажас, М. Луконин, С. Шнипер, Е. Долматовский, А. Межирицкий, А. Жаров, Л. Ошанин, М. Исаковский, А. Тарасенков, Н. Погодин, Е. Горбань, М. Андер, М. Львов, М. Соболев, Ю. Яковлев, К. Ваншенкин, Е. Шенелева, В. Бершадский, Р. Марьямов, И. Носовский, В. Луговской, С. Смирнов, М. Максимов, В. Тухов, Я. Хелеский, Л. Озеров, М. Матусовский, Н. Гребнев, С. Васильев, М. Светлов, В. Игнор, И. Сельвинский, М. Дорно, В. Огнев, З. Палейкин, К. Подъяев, С. Ваншенков, С. Нарочанов, А. Лацис, К. Озерова.

Правление Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти талантливого советского поэта

Семена Петровича ГУДЗЕНКО, последовавшего 15 февраля 1953 года после тяжелой, продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

Гражданская панихида состоится в среду 18 февраля, в 1 час дня, в конференц-зале ЦСП (ул. Воробьейского, 52).

Редакционная коллегия, партбюро и местком «Литературной газеты» с глубоким прискорбием извещают о смерти талантливого поэта и журналиста, специального корреспондента «Литературной газеты»

Семена Петровича ГУДЗЕНКО и выражают соболезнование семье покойного.

Новые книги

Гамзатов Р. Год моего рождения. Стихи и поэмы. Авторизованный перевод с аварского. «Молодая гвардия». 96 стр. Цена 3 руб.

М. И. Галица. Летопись жизни и творчества. Составила А. Орлова. Мусгиз. 542 стр. Цена 19 руб. 70 коп.

Ефремов И. На краю Ойкумена. «Молодая гвардия». 294 стр. Цена 6 руб. 50 коп.

Кожеников В. Мера твердости. Повести и рассказы. «Советский писатель». 608 стр. Цена 8 руб. 95 коп.

Контелов А. Встречи. Очерки. Новосибирское областное государственное издательство. 128 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

Лу Синь. Избранное. Перевод с китайского. Гослитиздат. 204 стр. Цена 4 руб. 55 коп.

Майков А. Избранное. (Библиотека поэта. Малая серия. 2-е издание). «Советский писатель». 324 стр. Цена 6 руб. 70 коп.

Малин А. Басни и фельетоны. Симферополь. Крымиздат. 27 стр. Цена 60 коп.

Марьямов А. Да будет мир! Стихи. Авторизованный перевод с грузинского. «Советский писатель». 152 стр. Цена 2 руб. 50 коп.

Михайлов А. Народный артист СССР Иван Пырлев. Госкиноиздат. 171 стр. Цена 12 руб.

Нагинбаева Н. Стихи. Авторизованный перевод с украинского. Гослитиздат. 128 стр. Цена 4 руб. 40 коп.

Паченко П. Стихотворения. Авторизованный перевод с белорусского. «Советский писатель». 248 стр. Цена 4 руб. 30 коп.

Паустовский К. Рождение моря. Повесть. Воениздат. 179 стр. Цена 4 руб. 35 коп.

Рудный В. Гангуты. Повесть. Военмориздат. 583 стр. Цена 11 руб. 10 коп.

Твардовский А. Последнее стихотворение. 1945—1952 г. «Молодая гвардия». 112 стр. Цена 2 руб. 75 коп.

Шолохов-Саянский Г. Волгины. Роман. В 3-х книгах. «Советский писатель». 758 стр. Цена 14 руб. 50 коп.

Сочинения Коста Хетагурова

Не так давно мне довелось присутствовать при открытии новой библиотеки в укрупненном колхозе имени И. В. Сталина в Нартовском районе Северо-Осетинской АССР. На книжных полках — произведения Пушкина и Маяковского, Толстого и Горького, Некрасова и Шевченко, Руставели и Стальского, Фурманова и Фадеева на осетинском, русском, украинском, кумыкском, лезгинском и других языках... В колхозе одной дружной семьей живут представители тринадцати национальностей.

В библиотеке подвешены к тумашам новых книжек, среди которых колхозники с радостью обнаруживают небольшие, аккуратно изданные томики Коста Хетагурова.

— Коста! Наш Коста!.. Как издан богато...

Праздником осетинского народа, новым вкладом в сокровищницу многонациональной социалистической культуры стал выход трехтомного собрания сочинений Коста Хетагурова (издание Академии наук СССР и Северо-Осетинского научно-исследовательского института).

«Как ни упорно и упрямо борется старина с козими, однако, рано или поздно, последние будут торжествовать над первыми... истинна провидает себе путь и через огонь, и через костры, и через теньники, пока не достигнет той высоты, которая ей принадлежит по праву...»

Эти прекрасные слова сказаны Коста более полвека назад. Сын горно-осетина, он показал еще в старополковой гимназии необычайные способности и был устроен своим учителями в Петербургскую академию художеств. Знакомство с трудами Чернышевского, Белинского, Добролюбова, произведениями Пушкина, Лермонтова, Некрасова заставляло его задуматься о судьбах родного народа. Молодой художник поднимает голос протеста против лживого произвола. После длительных преследований «неблагонадежный» Хетагуров оказывается в академии.

На родину Коста возвращается зрелым борцом. Всю свою кипучую силу и способность посвящает он разносторонней деятельности во имя свободы и счастья народа. Стихи, песни, баллады, повести, басни, являющиеся им на родном языке в вось-

мидесятые-девяностые годы, составляют сборник «Прон фандыр» («Осетинская лира»), которым закладывается прочный фундамент осетинской революционной литературы и литературного языка. Эти произведения вошли в первый том собрания сочинений К. Хетагурова, изданного на русском языке с параллельными стихотворными текстами по-осетински.

В «Прон фандыр» Хетагуров поэтически раскрыл душу своего народа. Вот бедная вдова улаживает у огня в углу пятерых голодных детей, общая их вкусную похлебку («Мать спит»):

Детям говорила:
«Вот бобы вскипят!»
А сама варила
Камни для ребят.

Каждое слово этого произведения — горькая правда жизни старой Осетии, потому что оно переходило из уст в уста, став народной песней. Но трудовая дерзновенность осетинская цела и другие песни Коста, призывавшие к борьбе. До наших дней Осетия поет «Походную песню» Коста:

...С нами высокое
Знамя народа.
К свету, к победно
Песней похода!

К правде сверкающей
Смело шагайте!
Трусы, бездельники,
Прочь! Не мешайте!

Волос полвека народ поет песни: «Кубады», «Сердце бедняка», «Прислужник», «А-ло-лай!», «Солдат», «Пропалди!». На них учились последующие поколения осетинских писателей поэтическому мастерству, глубокой идее, патриотизму.

Во второй и третий томы собрания сочинений вошли произведения поэта, написанные им на русском языке. Язык Пушкина и Лермонтова, Толстого и Горького стал вторым родным языком Коста, и владеет он им превосходно. В этом убеждают не только стихи и повести, публицистические статьи и фельетоны, которые он публиковал на страницах местных газет, но и его письма.

Публицистика и перенесенная Коста Хетагуров, заполняющая третий том собрания сочинений, полны пафоса борьбы за истинные гуманизм. В прозаических этих читатель найдет острую, правдивую поста-

новку многих вопросов народной жизни, в них разоблачаются пороки парских администраторов и мракослов мусульманской религии, вскрываются пережитки и суеверия, еще бытовавшие в осетинском народе. Публицистика Коста не только неотделима от его боевой поэзии, но и существенно дополняет ее; она помогла подметить революционного самосознания осетинского и других кавказских народов, воспитывала чувства интернационализма, дружбы и братства между народами.

Неутомимую борьбу за счастье народа не судимо было дожить до победы революции. После тяжелой продолжительной болезни, полученной в парской ссылке, Коста Хетагуров умер в 1906 году. С. М. Киров, руководивший до революции газетой «Терек», снабдил редакционным примечанием опубликованное 18 августа 1915 года стихотворение А. Гудзенко «К могиле Косты». В примечании поднимается вопрос о достоинстве увековечивания имени чужд ли единственному осетинскому поэту, выступившему в национальной литературе. Через год газета «Терек», отмечая десятилетие со дня смерти поэта, пишет о Коста Хетагурове: «С его именем в народной массе в Осетии связано все возвышенное, все лучшее, светлое и прекрасное... Коста — гений, творец, алтунист, путешественник, звезда унылых и оскорбленных...»

Настоящее издание литературного наследия великого поэта осетинского народа было произведено уже в наши дни. К изданию трехтомного собрания сочинений Коста Хетагурова издательство Академии наук СССР отнеслось с любовью. Книги снабжены квалифицированными комментариями, просто и хорошо оформлены, напечатаны на добротной бумаге, одеты в отличный дерюжбинский переплет.

Но есть и недостатки. Несмотря на то, что большинство новых переводов стихов «Прон фандыр» с осетинского на русский язык по сравнению с предыдущими изданиями стало ближе к оригиналу («Весна», «Лето», «Осень», «Зима», «Прислужник» — в переводах Н. Тихонова, «Тревога» — в переводе М. Николаевского, «Кубады» — в переводе П. Панченко, «Походная песня» — в переводе С. Олендера, «Горы» — в переводе А. Гудзенко и др.), некоторые произведения К. Хетагурова во многом утратили в переводах свою социальную остроту и поэтичность. В ряде случаев допущены искажения оригинала.

Не вполне удалось перевести стихотворения «Надежда» Б. Ириния передать

социальный смысл произведения, в котором предельно четко выражено мировоззрение поэта. Коста пишет: «Сердце моего народа — моя пашня, судьбы нашей родины — мой осенний урожай...» Б. Ириния переводит:

Мой край плодороден,
Мой край амбар,
И в море колосов
Ныряет арба,

словно поэт, болевший душой за судьбу своего бедного, задвинутого гнетом народа, пропалывает неведомое ему изобилие. Фальшиво звучит в переводе А. Шпирта лирическая песня Коста «Спой!», имеющая глубокий социальный смысл. Поэт говорит: «Спой, пока твое сердце не потеряет от дум о народе». А переводчик переносит: «...пока тебе, как пламя, сердце гнев не сжег, спой еще, дружок!»

Широко известное в Осетии произведение Коста «Кто ты?» потеряло много поэтических красок, самостоятельности и просто смысла в переводе А. Ахматовой. «Как только пою, я — смею я шек (в жизни)... То с песней, то с палкой по собирам (в народе) и хожу...» — сказано у Коста. А Ахматова переводит:

И так подрастал я
В беспечности сам,
То с пеньем, то с палкой
Бродя по пирам.

Далее у Коста в том же стихотворении говорится: «Дай пастуху бурку, овчанину паху, кусок хлеба — не тяжела тогда (будет) его работа». А вот эта строфа у Ахматовой:

В облезлой пахавке
И в бурке бродила,
Но — досата хлеба!
И я не тужила.

Список подобных переводческих огрехов можно было бы, к сожалению, продолжить. Есть недостатки и в предисловии Т. Епихова. Неправильно утверждает автор предисловия, что Хетагуровым в его «ранних» стихах мысль о классовой дифференциации осетинского общества... не проводилась... достаточно ясно». Перечитав очерки «Особая», «Внутренние враги», письма к Ю. А. Паликолову, Осетинских алтарев Коста называет «внутренними врагами», которые живут «бездельничая всю жизнь... угнетая и лишая всяких средств к существованию и так обезболевший народ... Когда в стране нячужная кучка самодовольных начинает агитировать против трудового и обремененного до крайности

населения, то такую кучку людей не только нельзя считать единоплеменниками, но прямо — самыми злейшими врагами...» Разве недостаточно ясно проводится в этом отрывке классовая дифференциация осетинского общества?

Без должной четкости подходит Т. Епихов к оценке взглядов Б. Хетагурова на некоторые острые вопросы политической жизни. «Коста в 80—90-е годы стал», — говорит он, — душой и волеводителем широкого национально-освободительного движения среди осетин и всех горских племен Северного Кавказа». Но Епихов не раскрывает и не поясняет, в чем заключалось это движение, как оно проявлялось. У Коста мы читаем: «Осетины на Кавказе никогда не служили враждебным элементом для русских». Автору статьи нужно было дать глубокое марксистское освещение правильных взглядов Хетагурова в вопросе о присоединении горцев к России, имевшем большое прогрессивное значение, решившем судьбы народов Кавказа.

Не сумев верно раскрыть происхождение нацонального «поветрия» в некоторых лирических стихах поэта («На смерть молодого горняки», «Поселения встреч» и др.), Т. Епихов утверждает, что в 80—90-е годы в русской литературе «господствовали символы самых разнообразных оттенков», что якобы повлияло на Коста. Неверное и грубо ошибочное утверждение! В этот период творили Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, зарождалась и крепла proletарская поэзия. Коста Хетагуров учился у великих русских реалистов, и приписывать ему сколько-нибудь серьезное увлечение «нацональной» нет оснований.

Нельзя было обходить в предисловии огромное влияние творчества Хетагурова на дальнейшее развитие современной осетинской культуры вообще, литературы в частности. Вслед за Хетагуровым в осетинской литературе вырастает замечательная плеяда революционных писателей: Арсен Копеев, Сека и Понак Гадзиевы, ила по стопам Коста, закладывают прочную основу современной осетинской прозы. Поэтическое наследие Коста осваивали известные осетинские поэты Нигер (Иван Джанкев), А. Гудзенко, Гр. Плиев, Б. Боцнев, М. Кабердиев. Язык Коста до сих пор является образцом для поэтов и писателей, ученых и педагогов, литераторов и лингвистов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 21 17 февраля 1953 г. 3

